

явных мятежников не очень-то и понятна, попадают здесь нечасто. Автору «Бедных людей» не было надобности изображать из себя Грушницкого. Независимо от его прошлого его личность не могла не производить впечатления. Формально принадлежа к разряду нижних чинов, он принят не только в доме своего батальонного командира подполковника Белихова, но и в других весьма приличных домах. (Однажды, правда, ему, бывшему в гостях в своем неизменном солдатском мундире, в прихожей подставит плечи посчитавший его денщиком незнакомый офицер: Достоевский ловко снимет с него шинель, после чего оба чинно прошествуют в гостиную. Эпизод, напоминающий сцену из «Идиота», когда князь Мышкин, будучи у Иволгиных, подхватывает шубу Настасьи Филипповны, принявшей его за лакея).

Именно в гостях у Белихова Достоевский и был *замечен*.

Муж Марии Дмитриевны А.И. Исаев -- а в браке они состоят не менее восьми лет, -- моложе Достоевского на год. Их сыну Павлу исполнилось восемь. Исаев служит по таможенной части и -- сильно пьет. Достоевскому жаль Исаева. Но кто тогда в Семипалатинске не пил?

Все знавшие Достоевского утверждают, что он был вполне равнодушен к спиртному и лишь изредка позволял себе рюмку-другую. Нет указаний, что он когда-либо отступал от этого правила. Тем удивительнее сообщение Губенко, основанное, по ее словам, на письмах Достоевского к Неворотовой и рассказах последней, будто ее корреспондент «был склонен к употреблению спиртных напитков», сознавая при этом их пагубное действие, и что, по его мнению, согласие Неворотовой на их брак «кроме удовлетворения его чувственных качеств, спасает его и от алкоголя».

Либо Губенко все-таки не совсем точна, либо действительно в первые месяцы свободы Достоевский позволил себе поддаться национальной привычке. Во всяком случае, подобный период, если только он имел место, длился очень недолго. В 1856 г., излагая в одном из писем свои крайне грустные обстоятельства, он восклицает: «Хоть вино начать пить!»: сам тон демонстрирует зыбкость намерения. Трудно не согласиться с мнением, что, знаясь с Марией Дмитриевной, он понимал, что потеряет любимую женщину, если будет демонстрировать тот же порок, какой вскоре сведет в могилу ее бедного мужа.

Говоря о первой любви своего отца, Любовь Федоровна объясняет эту запоздалую страсть его медленным физическим созреванием. Оно, как не без некоторой наивности полагает мемуаристка, завершается у *северных* русских мужчин не ранее 25 лет. Поэтому телесно-нравственное развитие юного Достоевского «было подобно развитию гимназиста», который восхищается женщинами на почтительном расстоянии, испытывая при этом страх и как бы не нуждаясь в сближении. «Период страстей, -- докторально замечает Любовь Федоровна, -- начинается у моего отца только после каторги, и тогда он уже не падает больше в обморок».

Да, *публично* таких казусов с ним больше не происходит. Но его состояние после разлуки с Исаевой близко к безумию.

«Я был поражен как громом, я зашатался, упал в обморок (упал-таки! -- И.В.) и проплакал всю ночь... Велика радость любви, но страдания так ужасны, что лучше бы никогда не любить».

Любила ли его Мария Дмитриевна?

Сам он в этом не сомневается. «Я знаю, что она меня любит», -- напишет он Врангелю в марте 1856 г. И, адресуясь к тому же корреспонденту, повторит через десять лет, когда все уже будет кончено: «О, друг мой, она любила меня беспредельно, я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо».

Любопытно, что все это сообщается человеку, который был ближайшим свидетелем их романа (его начала) и, конечно, мог иметь о нем собственное мнение.